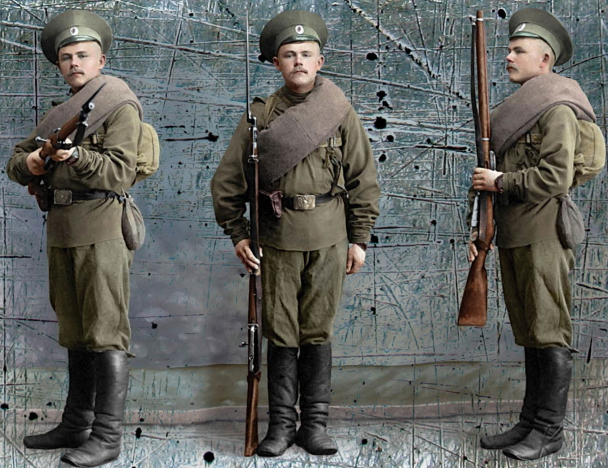

ВОЙНА И МИР

АНТОН КЕРСНОВСКИЙ | ЕВГЕНИЙ МЕССНЕР

КАК ГОТОВИТЬСЯ К ВОЙНЕ

Антон Антонович Керсновский Евгений Эдуардович Месснер Как готовиться к войне Серия «Война и мир»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69290236

*Как готовиться к войне. Сборник / А.А. Керсновский, А. Маришошкин, В. Заболотный, А. Баиов, П. Симанский, Н. Головин, А. Деникин, Л. Зайцов, Б. Хольмстон-Смысловский, Е. Месснер.: Родина; Москва; 2023
ISBN 978-5-00180-969-2*

Аннотация

Война – это функция мировой среды и ее турбулентности, полагает философия. Природа любой функции в обществе предполагает деятельность, которая должна быть выполнена обязательно. Война – это деятельность особого характера, связанная с применением различных видов оружия профессионалами и не только. Профессионалы и не только преследуют определенные цели, достижение которых стало невозможно мирным путем, а война становится единственным средством разрешения проявившихся противоречий. Открыв эту книгу, читатель узнает, как готовиться к войне с точки зрения философии войны, которая включает в себя религиозную составляющую. Такой подход дает возможность определить

понятие справедливой и священной войны, войны как защиты государства и народа, человека и его права на товарищество и дружбу, как ценностей, ведущих к любви и прощению.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Глава I	9
Глава II	13
Глава III	20
Глава IV	25
Глава V	30
Часть вторая	39
Глава VI	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Как готовиться к войне

Сборник

Авторы:

А.А. Керсновский, А. Мариюшкин, В. Заболотный, А. Баиов, П. Симанский, Н. Головин, А. Деникин, Л. Зайцов, Б.Хольмстон-Смысловский, Е. Месснер

© ООО «Издательство Родина», 2023

Предисловие

А. А. Керсновский

Строки эти представляют посильную и поэтому скромную лепту в наше общее великое дело – возрождение нашей национальной доктрины, а тем самым и военной доктрины, составляющей одно нераздельное целое с национальной – одну из многочисленных ее граней.

Со смерти Суворова русская военная мысль вдохновлялась исключительно иностранными образцами. Поэтому ее работу и можно уподобить работе машины, поставленной на холостой ход. Семена, дающие урожай в бранденбургских песках, – на русском черноземе дают лишь плевелы. Суворов был поэтому нами понят еще меньше, чем Наполеон французами. «Науку побеждать» мы читали глазами, а не духовными очами – весь ее неизреченный духовный смысл остался для нас сокровенным. Умами всецело овладел величайший из варваров – Клаузевиц, – его рационалистические теории совершенно заслонили дух православной русской культуры, создавшей «Науку побеждать».

Увлекаясь иностранщиной, мы недооценили Суворова. «Суздальское учреждение» до нас не дошло – «Наука побеждать» дошла лишь чудом. Мы проглядели величайший синтетический ум Румянцева. Сочинения его – «Примечания

военные и политические» и «Мысли об устройстве воинской части» – так и не были никогда изданы. Они, должно быть, уже совершенно истлели (если только вообще не погибли) в киевском архиве, куда их свалили по смерти Задунайско-го благодарные россияне. И наследие этого наиболее всестороннего военного и государственного русского гения осталось совершенно не использованным. В то же время с благоговением переводилась и тщательно изучалась всякая макулатура, коль скоро она имела иностранное клеймо, особенно же штампель германского «большого генерального штаба».

Рационализм и материализм засорили русскую военную мысль задолго еще до того, как были возведены в степень обязательного догмата большевиками. Духовность, а вслед за духовностью и дух представителей русской военной мысли – были угашены.

Столетие бессмертных побед и полтора столетия лет громкой славы сменились поражением в Восточную войну, трудной победой 1878 г., разгромом в Японскую, Великую (1-я Мировая война – Ред.), Гражданскую. Угашенный дух мстил за себя, мстил за Румянцева, мстил за Суворова...

Величественное здание русской национальной военной доктрины стоит с 1800 г. незаконченным. Туда нам давно надлежало бы перейти с тех чужих задворков, где мы ютимся уже в продолжение нескольких поколений. Суворов из своей могилы приказывает всем нам его закончить, приказывает

вспомнить, что мы русские и что с нами Бог.

На достройку и отделку этого величественного здания и должны быть устремлены все наши дружные усилия. И – как памятник в Галлиполи— каждый должен принести на него свой камень.

Автор

Часть первая

О природе войны

Глава I

Война и христианская мораль

Шестая заповедь гласит: «Не убий». На этой заповеди и на превратном толковании Евангелия основывают свое учение «непротивления злу» толстовцы, пацифисты «во что бы то ни стало» и некоторые секты, например духоборы, меннониты, молокане. Последователи всех этих учений своей разлагающей пропагандой причиняют огромный вред государству, а своим отказом отбывать воинскую повинность создают большой соблазн.

Официальные представители нашей богословской науки сознали всю опасность подобного рода учений, частью являющихся софизмами, частью не заслуживающих даже названия софизмов, но, несмотря на свою духовную малоценность, сильнодействующих. В катехизисах, сокращенных и более пространных, – в частности, сокращенном «по митрополиту Филарету», на котором воспитывались целые поколения, – было поэтому сделано две оговорки при истолковании шестой заповеди, а именно – дозволяется казнить пре-

ступника и убивать неприятеля на войне.

Оговорки эти даются, однако, в виде аксиом – без доказательств из Священного Писания (в частности, в катехизисе «по Филарету», наиболее как раз распространенном). А это дает повод «непротивленцам» утверждать, что вставлены они лишь из угождения к «властям предержащим». Сказано – «не убий», значит, не убивай. Всякого рода «казенные» оговорки бессильны смягчить категоричность этого отрицания.

В подобной официальной трактовке, слишком руководящейся «мирскими» соображениями (безопасность общества, государственная необходимость и т. п.), и заключается «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю – не мир пришел Я принести, но меч...» (Мф. 10, 34). «Когда же услышите о войнах и смятениях – не ужасайтесь, ибо сему надлежит быть прежде» (Мф. 24, 6; Мк. 13, 7; Лк. 21, 9).

В Евангелии мы находим два примера, относящиеся к проблеме военной службы. Когда к Иоанну Крестителю пришли воины и спросили, что им надлежит делать, – он заповедал им «никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своим жалованием» (Лк. 3, 14). Христос отнюдь не призывал воинов «перековать мечи в орала» и бросить военную службу как занятие, Богу не угодное. А на вопрос фарисеев, следует ли платить подати, – ответил: «Кесарево – кесарю» (Мф. 22, 21; Лк. 20, 25). И разве отбытие воинской повинности – самого тяжелого из всех налогов – не является воздаянием

кесарева Кесарю – царского Царю?

Ошибка «непротивленцев злу» состоит в том, что личным поучениям Христа они стремятся придать характер общественный.

* * *

Христос учил: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Мф. 5, 39–40; Лк. 6, 29). Этим Он определил отношение человека к человеку. Сын Человеческий снес издевательства книжников и озверелой толпы. Ему стоило лишь захотеть, лишь подумать – огонь небесный испепелил бы и судий, и палачей. Он этого не сделал, явив миру неизреченный подвиг кротости и милосердия.

Но Христос снес багряницу и терновый венец – как относившийся к Нему лично. Мы же знаем, что, узрев торгашей, оскверняющих святыню – Дом Отца Его, Он свил бич из веревок – и выгнал их вон.

Изгнание торгующих из храма достаточно ясно указывает всю ересь ссылки «толстовцев» и иных на Христа, якобы проповедующего непротивление злу насилием. Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам. Но если этот ближний посягает на высшие ценности, – наш долг воспротивиться ему.

В конце Тайной Вечери Христос дает предупреждение

Своим ученикам: «И сказал им: когда Я посылал вас без мешка и без сумы, и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч... Они сказали: Господи! вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Лк. 22, 35–37).

Один из этих двух мечей был в ту же ночь обнажен Петром. Христос велел ему вложить этот меч в ножны – «все взявшие меч мечом и погибнут» (Мф. 26, 52).

«Противоречие», усматриваемое некоторыми софистами из сопоставления этих двух текстов, исчезнет, если мы будем иметь в виду, что Петр ведь обнажил меч не в защиту Учения, а в защиту Учителя. Христос не пожелал принять этой жертвы. Не Малх напал на Петра, а Петр первый мечом ударил Малха.

Христос отнюдь не сказал, что взявшие меч погибнут от проказы, или от землетрясения, или от огня небесного. Нет, взявшие меч погибнут именно от меча. Но для того, чтобы они погибли от меча – надо сразить мечом – прибегнуть к справедливой войне. Текст этот, который «непротивленцы» стремятся использовать в качестве одного из главных аргументов своей теории, при внимательном его рассмотрении обращается таким образом против ереси.

Святой Сергей Радонежский благословил Димитрия Донского на брань с Мамаем. И два с половиной столетия спустя сергиевские иноки по примеру Осляби и Пересвета опояса-

ли рясы мечами, а патриарх Гермоген призвал всю Русскую Землю восстать на угнетателей.

Руководясь примером Христа и деяниями отцов Церкви, мы должны отвергнуть лжеучение «непротивления злу насилием» как богопротивное, антицерковное и в конечном своем итоге – бесчеловечное.

Глава II

Понятие «справедливости» и цели войны

При обожествлении государства и нации единственным критерием суждения о степени справедливости данной войны есть степень выгоды ее для государства и нации. Если обнаживший меч считает войну единственным способом признания его законных прав, то ничем нельзя заставить его усомниться в справедливости его претензий. Манифест немецких ученых в августе 1914 г. является в этом отношении характернейшим человеческим документом.

Применив критерий высшего порядка – критерий духовной ценности, – мы можем разделить все веденные человечеством войны на три категории:

Первая – войны, веденные в защиту высших, духовных ценностей, – войны безусловно справедливые. Все наши войны с Турцией и с Польшей в защиту угнетаемых единоверцев и единоплеменников, как и Гражданская война 1917–

1922 г. с белой стороны, относятся к этой категории.

Вторая – и наиболее распространенная – войны, веденные во имя интересов государства и нации. Общего правила, общего мероприятия для этой категории не существует. К каждому случаю в отдельности надо применять особую мерку – и в каждом случае оценка может быть лишь чисто субъективной.

Третий вид войны – это война, не отвечающая интересам и потребностям государства и нации и не отвечающая в то же время требованиям высшей справедливости. Войны этой категории относятся по большей части к типу бескорыстных авантур, а лучше сказать— авантур бессмысленных. Таково, например, участие России в коалиционных войнах в 1799 и 1805–1807 гг., поход в 1849 г. на венгров, экспедиции французов в Мексику при Наполеоне III.

Войн первой и третьей категории— абсолютно справедливых и абсолютно несправедливых— незначительное сравнительно меньшинство. Больше всего сожжено пороху и пролито крови на войнах второй категории – войнах, имеющих характер государственный, национальный.

Общего мерила, как только что заметили, для этого рода войн не существует. Раньше, чем анализировать каждый отдельный случай, нам надлежит применить синтез: сгруппировать все вообще войны между данными государствами вместе, проследить их взаимоотношения на протяжении веков. Идя таким образом против течения истории, мы рано

или поздно доберемся до первопричины раздора, посмотрим в корень. И тогда определим, кто «взял меч» – следовательно, кто нарушил первоначальную гармонию между данными государствами и данными народами.

Отрешившись от всякого шовинизма – чувства, которое всякий любящий свою Родину должен как можно больше избегать, чтобы не навлекать на нее несчастий, – анализируем для примера справедливость русско-польских отношений вообще. На заре истории этих двух славянских народов их отношения были добрососедскими. Первопричина раздора произошла в XIII в., когда польские короли, пользуясь монгольским разгромом, наложили свою руку на Червоную, а затем (Литва) и на Белую Русь. В польское государство был введен на положении бесправной «райи» русский православный элемент – многострадальные «диссиденты». В многовековом русско-польском споре почин, таким образом, подали поляки. Люблинская уния, авантюра Сигизмунда III, временный захват поляками Москвы – все это дальнейшие стадии поступательного притеснительного движения поляков.

Вслед за тем русская государственность крепнет, польская клонится к упадку. И первый раздел Польши – в сущности не раздел (польская государственность сохранилась), а просто дезаннексия – явился одним из справедливейших актов мировой истории. Было покончено с грехами четырех столетий, положен предел четырехсотлетним притеснениям.

Справедливость была, таким образом, восстановлена. Од-

нако палку стали перегибать в другую сторону. Агония польской государственности конца XVIII в. создавала у соседей Польши непреодолимые стремления поживиться тем, что «плохо лежит», — совершенно так же, как паралич русской государственности XIII и XIV вв. возбуждал аналогичные чувства у польских королей и литовских князей. Результатом явился окончательный раздел Польши — экзекуция над целым народом — и насильственное введение в организм России враждебного русской государственности польского элемента. Последствия не замедлили сказаться: польские восстания против русских, захвативших Варшаву, были столь же обоснованы и столь же справедливы, как русские восстания против поляков, захвативших Кремль. Линейцы Скржинецкого и косиньеры Сераковского находились совершенно в том же положении, что ратники Пожарского и казаки Хмельницкого.

Затем — упадок русской государственности, возрождение польской и снова нездоровое стремление взять «что плохо лежит». И в результате Рижский мир и реаннексия «диссидентов»...

Мы видим таким образом, что в многовековой русско-польской распре первоначальная, так сказать, органическая несправедливость совершена поляками — что отнюдь не служит доказательством безупречности всех дальнейших поступков с русской стороны. Варшавская губерния в составе Российской империи такая же несправедливость, как во-

лынские воеводства в составе Речи Посполитой. Был момент – два десятилетия (1772–1794) – восстановление нарушенной гармонии, но на нем не сумели и не захотели удержаться. Справедливость все время переходит из одного лагеря в другой – очевидным перевесом в сторону России («первоначальный грех» совершен поляками).

То же самое мы можем проделать при изучении других «конкретных случаев» – например, при столкновении русского племени с германским. Почин здесь исходит от свирепых меченосцев, огнем и мечом истреблявших славянские племена во имя торжества воинствующего германизма и оттягавших (несмотря на Невскую битву и Ледовое побоище) северные новгородские пятины. От Ледового побоища до Брест-Литовска – чрез Ливонские войны, Полтаву, Гангут, Бзуру и Сан – справедливость все время на русской стороне (за исключением эпизода Семилетней войны).

При изучении франко-германской распри отправной точкой следует считать 1806 г. – Иену и Ауэрштедт, за которыми последовал Тильзитский мир – прототип «версальской диктовки». Трехвековая борьба Бурбонов с Габсбургами отнюдь не имела характера национального, тем паче расового. Почин в той распре принадлежит Пруссии, хотя здесь очень большую роль сыграла неумеренность Наполеона, и особенно утопия дикарей 1789 г. Эти последние выдвинули «национальный принцип» (сперва как противопоставление тиранам, затем как самодовлеющее целое). И нигде их семя не

упало в столь благоприятную почву, как в Германии. Благодаря этим теориям немцы двадцати шести отдельных государств впервые осознали себя принадлежащими к единому целому — и уже в 1813 г. Фихте может держать «Речь к германской нации» — чего он не смог бы сделать за пятнадцать лет до того за отсутствием этой германской нации. Создание германской нации произошло в период с 1806 по 1813 г. В первой же трети XIX в. была создана ее доктрина (Фихте, Гегелем и др.), совершенствовавшаяся затем целое столетие и приведшая к войнам 1870 и 1914 гг. — войнам, где справедливость, бесспорно, была на стороне Франции (подделка Бисмарком «эмской депеши» в 1870 г. и ложь о «бомбардировании Нюрнберга» французскими летчиками в 1914 г.).

Ограничившись этими примерами, перейдем к рассмотрению целей войны.

* * *

Величайший варвар XIX столетия — Клаузевиц — выдвинул теорию «интегральной войны» — на уничтожение. Теория Клаузевица была претворена в жизнь виднейшим из его учеников — Лениным — почему и все это учение мы будем называть «клаузевицко-ленинским». Оно сводится к истреблению, уничтожению противника: не только к разгрому его вооруженной силы, но и полному порабощению и уничтожению его как нации — для Клаузевица и его последователей,

как класса – для Ленина.

Эта человеконенавистническая теория проводилась немцами – правда, довольно опасно – в Мировую войну (зверства в занятых областях, режим заложников и террора, удушливые газы, неограниченная подводная война, использование внутреннего врага для разложения неприятельской страны) и в гораздо более широком масштабе большевиками.

Лжеучение Клаузевица – как и вытекающий из него «ленинизм» – мы должны целиком отвергнуть. Эти лжеучения не соответствуют ни христианской морали, ни российской исторической традиции, ни русской воинской этике – ни простому здравому смыслу.

Войну ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной – мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества.

Все остальное – уже излишества, а излишества пагубны. Диктуя мир побежденному врагу, следует руководствоваться строгой умеренностью, не доводить его до отчаяния излишними требованиями, которые лишь порождают ненависть – а стало быть, рано или поздно, новые войны. Заставить врага уважать себя, а для этого не вдаваться в шовинизм, уважать национальное – и просто человеческое – достоинство побежденного.

Нет более высокой цели для политики, как «на земли мир,

в человецех благоволение». И с этим идеалом, к которому должна эта политика стремиться, несовместимы ни закованные в цепи народы-илоты по Клаузевицу и его последователям, ни превращение вселенной в кладбище по Ленину.

Глава III

Война и мир

Мир является нормальным состоянием человечества. Мирное состояние в наибольшей степени благоприятствует как его духовному развитию – так и материальному благосостоянию. Война для него – явление того же порядка, как болезнь человеческого организма.

Война— явление таким же образом патологическое, нарушающее правильный обмен веществ государственного организма. Организм нации, ведущей войну, во многом можно уподобить человеческому организму в болезненном состоянии. Разница лишь в том, что человеческий организм не волен к заболеванию— тогда как государственный организм, наоборот, идет на риск «военного заболевания» – сознательно.

Многие войны оказали услугу человечеству. Походы римлян, покоривших весь известный Древний мир, приобщили к цивилизации, правовой школе, а впоследствии и к христианству иберские, кельтские племена. «Пилумы» римских легионеров стали сваями европейской государственности (в

анархичности и слабой государственности завоеванных германцами славянских племен как раз и сказалось отсутствие римского влияния). В эпоху крестовых походов Запад заимствовал у Востока его науки и полудикие европейцы многому научились у просвещенных арабов. На рубеже XV и XVI вв. итальянские походы Карла VIII и Людовика XII приобщили Францию к Возрождению. А Франция и сообщила Возрождению тот блеск и тот европейский размах, что ему не могла придать разделенная на множество мелких государств его родина – Италия.

Вообще же, если войну самое по себе всегда надо считать бедствием, последствия войны иногда бывают благотворны. Война 1914–18 гг. – бедствие, каких мало в истории человечества. С русской катастрофой 1917 г. может сравниться разве лишь Черная Смерть XIV в. и – в более слабой степени – нашествие монголов.

Но русская революция— не родное дитя войны, а всего-навсего ее приемыш. Она— дочь девятнадцатого века и устаревших его теорий. Родное дитя Мировой войны – это «фашизм» и родственные ему идеи, открывшие человечеству новые горизонты, давшие ему новые формы социального устройства, выведшие человеческую мысль и общество из того безвыходного тупика, куда их загнали дикари 1789 г. и их последователи – материалисты XIX столетия. Уже ради одного этого положительного духовного результата можно признать, что десять миллионов людей отдали свою жизнь

недаром.

* * *

Со всем этим, война является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло — на эту болезнь — следует лишь в положениях безвыходных— когда «клин клином» остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов. Худой мир, в общем, лучше доброй ссоры. Это — правило, от которого возможно делать исключения разве лишь в случае очень худого мира, грозящего в конце концов пагубно отразиться на морали и благополучии страны.

Орган государства, компетентный в данном случае, именуется дипломатией (состоящей из центрального аппарата и внешнего представительства). Существует две школы дипломатии.

Старая — или кабинетная. Государственные дела поручаются в этом случае людям, специально для того предназначенным, обученным, воспитанным, можно сказать, для этого родившимся. Самое происхождение службы этих людей, из которых каждый до получения «генеральского чина» посла либо посланника побывал в четырех-пяти столицах, следовательно, изучал на деле четыре-пять государств, их правителей, дипломатов, при них аккредитованных, — т. е. практически большую часть своих иностранных коллег, — гарантирует их компетентность.

За патологической эпохой 1914–1918 гг. последовала эпоха коллективного размягчения мозгов (последствие жестокой контузии мира в ту войну), эпоха, именуемая «демократической». Внешнеполитическим ее последствием явилась замена старой кабинетной школы новой школой – ярмарочной.

Делами вместо профессионалов стали заправлять любители, вместо сведущих людей – люди несведущие, митинговые ораторы, имевшие звание «народных избранников», но не всегда имевшие свидетельства об окончании начальной школы.

Результаты этой новоявленной «неумытой дипломатии» не замедлили сказаться.

Она перенесла в международные отношения «внутренне-политический дух» – атмосферу митингов и кулуарных комбинаций. По сравнению с профессиональными дипломатами – людьми ничем не связанными – политические лидеры демократии связаны по рукам и ногам. Какая-нибудь внутреннеполитическая каверза, к делу ни малейшего отношения не имеющая, какой-нибудь партийный инцидент заставляет их спешно покидать международные конференции, где дебатировются – с большей или меньшей некомпетентностью – вопросы первостепенной важности. Перерыв работ, недели неопределенного, напряженного, всех нервирующего положения – пока не удастся успокоить не вовремя расходившуюся провинциальную масонскую ложу, либо парламент-

скую фракцию – песчинку, остановившую поезд. В эпоху демократий все международные проблемы рассматривались в первую очередь, а то исключительно с точки зрения внутренней политики, т. е. партийных интересов – и личный успех в парламенте или на избирательной кампании был единственной заботой всех этих «карнавальных Талейранов».

Ярмарочным дипломатам – толпе и вожакам толпы – не по плечу тонкая «ювелирная» работа дипломатов-профессионалов. Их позы, их слова, их действия рассчитаны лишь на сегодняшний день и на интеллект толпы. На глазах толпы – толпы, сатанеющей от крови гладиаторов на ристалище, – и совершаются в раскаленной атмосфере все дела, обсуждавшиеся раньше компетентными людьми в спокойной и деловой обстановке министерских и посольских кабинетов.

Мы упомянем лишь для памяти о бесславно закончившей свой век «Лиге наций». Банкротство этого учреждения и идеи, его породившей, настолько очевидно, что избавляет нас от необходимости это доказывать многочисленными фактами.

Старую дипломатию упрекают в «провоцировании» войн. Упрек этот могут сделать лишь люди, сознательно рассорившиеся с историей (самой антидемократической из наук). История последних двухсот лет учит нас, что если на каждую войну, «спровоцированную» дипломатией (спровоцированную, не следует забывать, по приказанию соответствующих правительств), приходится три войны, которых «кабинет-

ная» дипломатия не смогла предотвратить – как не смогла бы их предотвратить и ярмарочная дипломатия (никакими нотами нельзя остановить тигра, решившегося на прыжок), – то зато на каждый такой случай приходится по крайней мере десять войн... не состоявшихся благодаря своевременному, тактичному, корректному и незримому для посторонних, для свирепой и невежественной толпы – вмешательству профессиональной дипломатии.

Глава IV

О разоружении

В средние века во время чумных эпидемий и в менее давние эпохи «холерных бунтов» чернь избивала врачей и докторов, видя в истреблении врачей, якобы разводящих заразу, средство избавиться от беды.

«Интеллектуальная чернь» XX в. – так называемые пацифисты, – а также руководящая (и в то же время руководимая) этой чернью ярмарочная дипломатия видят в роспуске армий средство избавиться от войн. По их мнению, наличность вооруженной силы является причиной зла: кровожадные генералы, чающие отличий, – «пушечные короли», ждущие 700 тысяч, но за 8 месяцев). Влияние техники на тактические навыки сказалось прежде всего в затяжном характере, тягучести операций – большем напряжении нервов и, в общем, меньшей кровопролитности. Для того чтобы выбить

из строя то же количество людей, что за семь часов при Сен-Прива, требуется семь дней Ляоянской недели работы магазинных ружей и скорострельной артиллерии.

Кровопролитность боя— результат не столько «техники», сколько плохой тактики, самого темпа, «ритма» операций, качества войск и ожесточения сражающихся (Бородино, Цорндорф). Побоища первобытных племен, вооруженных каменными топорами, относительно гораздо кровопролитнее современного огневого боя. В кампанию 1914 г., веденную в условиях сравнительно примитивной техники, французская армия теряла в среднем 60 000 убитыми и умершими от ран в месяц – расплата за плохую тактику. В кампанию же 1918 г. в условиях неслыханного насыщения фронта «смертоносной техникой» – потери убитыми не только не увеличились (как то, казалось, можно было подумать), а, наоборот, сократились в три раза, составив в среднем 20 000 человек в месяц.

«Техника», таким образом, имеет тенденцию не увеличивать, а, наоборот, сокращать кровавые потери. Удушливые газы, при всем своем бесспорно «подлом» естестве, дают в общем на 100 поражаемых лишь 2 смертных случая – тогда как т. н. «гуманная» остроконечная пуля дает 25 % смертельных поражений. Все это с достаточной ясностью указывает на несостоятельность теории «технического разоружения». Урезывая технику путем «разоружения», мы уменьшению кровопролития способствовать не будем.

Несколько (хоть и ненамного) обоснованнее – теоретически – система «морального разоружения» – бывшая излюбленным коньком женеvских снобов конца 20-х и начала 30-х гг. двадцатого столетия. Но ведь для достижения морального разоружения народов надо, прежде всего, этим народам запретить источник конфликтов— политическую деятельность. А для того, чтоб запретить политику, надо запретить причину, ее порождающую, – непрерывное развитие человеческого общества, в первую очередь развитие духовное, затем интеллектуальное, и, наконец, материальное и физическое. Практически это выразится в запрещении книгопечатания и вообще грамотности (явления совершенно того же логического порядка, что запрещение удушливых газов и введение принудительной трезвости), обязательном оскотлении всех рождающихся младенцев и тому подобными мероприятиями, по проведении которых «моральное разоружение» будет осуществлено в полном объеме, исчезнут конфликты, но исчезнет и причина, их порождающая, – жизнь.

Есть одна категория людей, навсегда застрахованная от болезней, – это мертвые. Вымершее человечество будет избавлено от своей болезни – войны.

* * *

Итак, если мы хотим предохранить государственный организм от патологического явления, именуемого войною, –

мы не станем заражать его пацифистскими идеалами. Если мы желаем, чтобы наш организм сопротивлялся болезненным возбудителям, нам не надо ослаблять его — в надежде, что микробы, растроганные нашей беззащитностью, посоветятся напасть на ослабленный организм, — а наоборот, сколько можно более укреплять его. Укреплением нашего государственного организма соответственным режимом (внешним и внутренним) и профилактикой мы повысим его сопротивляемость как пацифистским утопиям вовне, так и марксистским лжеучениям изнутри — стало быть, уменьшим риск войны, как внешней, так и гражданской.

Нападают лишь на слабых, на сильных — никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не умеющих показать своевременно своей силы и производящих со стороны впечатление слабых.

В 1888 г. произошел знаменитый «инцидент Шнебле»⁵⁸, едва было не вызвавший франко-германской войны. В последнюю минуту Бисмарк не решился: французская армия только что была перевооружена магазинной винтовкой Лебеля, тогда как германская имела еще однозарядки. Жившая в 80-х гг. еще мечтою о реванше Франция была сильной — и казалась сильной (дело Дрейфуса, надолго отравившее ее организм, произошло значительно позже). На Востоке же грозила могучая Россия Царя Миротворца... Авантюра была отложена...

Другой пример — 1904 год. Маркиз Ито проявил боль-

шую решимость, чем Бисмарк в свое время. Но рискнули бы японцы напасть на нас, если бы Порт-Артуровская эскадра была снабжена доками, если бы на Ялу вместо бригады Кашталинского стояло три-четыре корпуса, если бы Манчжурия была соединена с Россией не одноколёйным (притом незаконченным), а четырехколёйным непрерывным рельсовым путем? И если бы японцы знали, что русская государственность не усыплена гаагским дурманом, а общественность, вместо посылок приветственных телеграмм микадо, будет защищать интересы своей страны?

1914 год. Германия провоцирует войну, потому что не желает иметь дела с сильной русской армией 1920 г., – армией, явившейся бы результатом семилетней «Большой военной программы» 1913 г. Одновременно война объявляется и Франции: робость и недомыслие ее правителей (приказ Виани отступить 10 км от границы в доказательство миролюбия) показали Германии доказательством слабости всей страны, всей армии. Типичный пример нападения на сильного, потому что он со стороны кажется слабым.

Изучение всех войн, всех конфликтов, как прежних времен, так и современных, убеждает нас в справедливости положения, проводившегося Ермоловым на Кавказе, сто лет спустя сформулированного в Марокко Лиотэ: *«Надо вовремя показать свою силу, чтоб избежать впоследствии ее применения»*. Это положение должно лечь в основу всякой здоровой политики.

Вообще же следует помнить, что «идеологи» обошлись человечеству дороже завоевателей – и последователями утопий Руссо пролито больше крови, чем ордами Тамерлана.

Глава V

Природа военного дела. военное искусство и военная наука

Является ли военное дело достоянием науки или искусства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо все время иметь в виду двойственную природу военного дела.

Военное дело складывается из двух элементов. Элемента рационального – соизмеримого, вещественного, поддающегося точному анализу и классификации. Элемента иррационального, духовного, несоизмеримого – того, что Наполеон называл «*la partie sublime de l'art*».

Рациональная, вещественная часть военного дела — достояние военной науки. Иррациональная, духовная – достояние военного искусства. Смотреть телесными глазами может каждый зрячий человек – смотреть и видеть духовными очами дано не всякому. Искусство дается Богом – наука дается человеку его трудами. Изваять Зевса может лишь Фидий – изготовить анатомический чертеж человеческого тела может любой студент-медик.

Искусство – удел немногих избранных, – как правило, выше науки — удела многих. При этом следует оговориться, что

в своих высших проявлениях наука имеет отпечаток гения – свою «*partie sublime*». Менделеев или Пастер могут считаться украшением человечества в той же степени, как Достоевский и Гете.

Подобно благородному металлу, искусство не может применяться в чистом своем виде. В него, подобно лигатуре, всегда должна входить известная доля науки.

Композитора осенило вдохновение. В его душе зазвучали незримые струны... Это – момент чистого искусства, так сказать, абсолютное искусство. Он хватается перо и нотную бумагу, перекладывает свое вдохновение (рискующее иначе быть потерянным для него и для людей). И с этой минуты к чистому искусству примешивается лигатура науки: надо знать ноты, такты, контрапункты, уметь распределить партитуры, равным образом и поэт обязан знать грамматику, а ваятель – анатомию человека и животных, свойства гипса, бронзы, мрамора.

Аналогия с военным искусством полная. Гениальнейший план рискует здесь оказаться химерой, коль скоро он не сообразуется с реальностью. Величайший из полководцев не смеет безнаказанно пренебрегать элементами военной науки, хоть он сам в свою очередь совершенствует эту науку и сообразуется с ее принципами, зачастую инстинктивно.

Чем выше процент благородного металла в сплаве – тем драгоценнее этот сплав. Чем больше наблюдается в полководце преобладания иррационального элемента искусства

над рациональным элементом науки – тем выше его полководчество. Наполеон в большинстве своих кампаний, Суворов во всех своих кампаниях – дают нам золото 96-й пробы. Полководчество Фридриха II – гений, сильно засоренный рутиной и «методикой» – золото уже 56-й пробы. Полководчество Мольтке-старшего – таланта, а не гения – уже не золото, а серебро (довольно высокой, впрочем, пробы), полководчество его племянника – лигатура, олово.

* * *

Военная наука должна быть в подчинении у военного искусства. Первое место – искусству, науке только второе.

Бывают случаи, когда науке приходится затенять искусство – играть роль как бы его суррогата (роль «накладного золота» – если развивать дальше нашу метафору). Случаи эти соответствуют критическим периодам военного искусства, упадку его – эпохам, когда это искусство – дух – отлетает от отживающих, но еще существующих форм и ищет, но пока еще не находит новых путей. Так было во второй половине XVII в. на Западе, когда вербовочные армии искали спасения в рутине линейных боевых порядков и софизмах «пятипереходной системы». Новые пути были найдены французской – так называемой «великой» – революцией, давшей вооруженный народ, – и военное искусство возродилось в революционные и наполеоновские войны. Так бы-

ло и в войну 1914–1918 гг. – войну, видевшую кульминационный пункт, но зато и вырождение вооруженных видов народов – «полчищ». Выход для военного искусства был найден после войны в старорусской системе сочетания идеи количества – народной армии (земского войска) с идеей качества – малой армией профессионалов (княжеской дружины). Эта старорусская система, применяемая в последний раз в 1812 г. (Кутузов и Ростопчин), именуется иностранцами – которым это простительно – и русскими невеждами – которым это непростительно – система генерала фон Зеекта.

На этот случай «сумерек военного искусства» – случай, который Фош характеризует «невольным отсутствием достаточного военного гения» (*l'absence force d'un genie suffisant*), – и припасен научный коллектив, наиболее совершенным образчиком которого был «большой генеральный штаб» германской армии.

На этот научный коллектив, существовавший во всех армиях, и на отдельных более выдающихся его представителей и пало бремя полководчества Мировой войны – войны, сочетавшей огромный процент научной лигатуры с очень небольшим количеством искусства. Отсюда и «серый» характер полководчества 1914–1918 гг. за немногими исключениями, как, например, все творчество генерала Юденича на Кавказском фронте, бои французского Скобелева – генерала Манжета, некоторые операции армии Гинденбурга на Восточном фронте, фон Клука на Урале и несколько ярких

примеров.

Искусства немного – и оно целиком сосредоточено на творчестве нескольких вождей. В решительные моменты творчество Жоффра, Галлиени, Фоша и Манжена (знаменитый «полководческий четырехугольник») оказалось выше творчества Мольтке-младшего, фон Клука, Фалькенгайна и Людендорфа – подобно тому, как Гинденбург, Людендорф, Фалькенгайн и Макензен оказались выше Великого князя, Жилинского, Рузского, Иванова. Это обстоятельство и определило характер войны, предрешило ее исход – несмотря на то, что немецкий коллектив по своему качеству, своему «дурхшнитту», своему научному базису, отделке и разработке доктрины— одним словом, по постановке своей рациональной части значительно превосходил коллектив французский. Личность, как всегда, оказалась решающим фактором. Военное искусство— достояние личности— хоть и было у французов (по причинам, от самих вождей во многом не зависящим) не очень высокого качества – все-таки оказалось выше рациональной научности – достояния коллектива.

Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных. Вообще же – и это особенно сказывается в случае «суррогата» (попытки наукой возместить недостаток искусства) – она дает тяжеловесные результаты в сфере полководчества. Чисто научное полководчество – без или с очень слабым элементом искусства – можно сравнить с вычислением окружности. Наука дает здесь число «пи», позволяющее произ-

водить вычисления с наибольшей точностью, но не дающее средства постичь всю «иррациональность» круга. Научная «методика» может приближаться к интуиции искусства — сравняться с последней ей не дано — незримая, но осязаемая перегородка будет все время сказываться, Сальери «алгеброй гармонию проверил», — а с Моцартом все-таки не сравнился.

Проблема превосходства искусства над наукой — такого же порядка, как проблема превосходства духовных начал над рационалистическими, личности над массой, духа над материей.

Военное искусство, подобно всякому искусству, *национально*, так как отражает духовное творчество народа. Мы различаем русскую, французскую, итальянскую, фламандскую и другие школы живописи. Мы сразу же распознаем чарующие звуки русской музыки от музыки иностранной. В военной области то же самое. «Науку побеждать» мог создать только русский гений — «О войне» мог написать только немец.

Из всех искусств два — военное и литературное — являются чутким барометром национального самосознания. На повышение и понижение этого самосознания они реагируют в одинаковой степени, но по-разному. Военное искусство как органически связанное с национальным самосознанием повышается и понижается вместе с ним. Литературное, более независимое от национального сознания (вернее, не столь

органически с ним связанное), реагирует иначе. Оно отражает эти колебания в своем зеркале. Качество остается приблизительно тем же — перерождается лишь «материя». Ломоносов, Пушкин, Чехов — три имени, первый из них отражает зарю, второй — полдень, третий — сумерки Петровской Империи.

Любопытно проследить этот «барометр». Военное дело — синтез «действия» нации, литература — синтез ее «слова». Гению Румянцева соответствует гений Ломоносова. Суворову — орлом воспаривший Державин. Поколению героев двенадцатого года, красивому поколению Багратиона и Дениса Давыдова — «певец в стане русских воинов» Жуковский. Младшие представители этого поколения — Пушкин и Лермонтов. Эпоха Царя Освободителя дает нам корифеев русского самосознания — Достоевского, Аксакова и Скобелева. Затем идет упадок — и в сумерках закатывающегося девятнадцатого, в мутной заре занимающегося двадцатого века смутно обрисовываются фигуры Куропаткина и Чехова...

* * *

Искусство, таким образом, национально. Национальность является характернейшим его признаком, его, так сказать, «букетом», квинтэссенций — все равно, будет ли речь идти о военном искусстве, литературе или живописи. Отвлеченного интернационального «междупланетного» искусства не

существует.

Несколько иначе обстоит дело с наукой. Если народы сильно разнятся друг от друга своим духом (а стало быть, и порождением духа – искусством), то в интеллектуальном отношении разница между народами – между мыслящим отбором, «элитами» этих народов – гораздо меньше, нежели в духовном, следовательно, «точек соприкосновения», общности здесь гораздо больше.

Математика, физика, химия, медицина – науки объективные, равно как и догматическая часть философии. И француз, и немец, и коммунист, и монархист одинаково формулируют теорию Пифагора.

Науки социальные – эмпирическая часть философии, история, социология, право – наоборот, национальны и субъективны, ибо занимаются исследованием явлений жизни и выводом законов их развития. Француз и русский, одинаково формулируя теорему Пифагора, совершенно по-разному опишут кампанию 1812 г. Более того, трактовка этих наук зависит не только от национальности их представителей, но и от политического, субъективного мировоззрения их. Сравним, например, Иловайского с Милюковым, Гаксотта с Лэвиссом. Приняв советский метод «исторического материализма» и «классового подхода», можно, например, пугачевского «Генерала» Хлопушу Рванья Ноздри сделать центральной фигурой русской истории, посвятить ему двести страниц, а Рюрику, Грозному и Петру I – отвести полстра-

ницы.

Военная наука относится к категории социальных наук. Она, стало быть, национальна и субъективна. Ее обычно считают частью социологии, что, по нашему скромному мнению, совершенно ошибочно. *Военная наука является сама в себе социологией*, заключая в себе весь комплекс, всю совокупность социальных дисциплин, но это — *патологическая социология*.

Нормальное состояние человечества— мир. Социология исследует явления этого нормального состояния. Война представляет собой явление болезненное, патологическое. Природа больного организма, его свойства, его функции уже не те, что здорового. Применять к ним одну и ту же мерку невозможно.

Поэтому военная наука — это социология на военном положении. Или (считая войну явлением патологическим) — социология патологическая. Военный организм представляет аналогию с национальным организмом. Война — та же политика. Армия — та же нация.

Часть вторая

Об элементах войны

Глава VI

Политика и стратегия

Политика – это руководство нацией, управление государством. Стратегия – это руководство вооруженной частью нации, управление той эманацией государства, что называется армией.

Политика— целое, стратегия— часть. Стратегия творит в области, отчеркнутой ей политикой. Это – политика войны, тогда как самая война – элемент политики государства. Откуда явствует, что стратегия есть один из элементов политики – и, безусловно, один из капитальных ее элементов.

Задача политики – подготовить работу стратегии, поставить стратегию в наиболее выгодные условия в начале войны и как можно лучше пожать плоды стратегии после войны.

Дипломатия и стратегия – это две руки политики. И тут необходимо, чтобы правая рука все время знала, что делает левая – и обратно. Раньше, чем предпринять какой-либо ответственный шаг государственного, тем более международного, значения, политик должен оглянуться на страте-

га и спросить его: «Я собираюсь сделать то-то. Достаточно ли мы для этого сильны?» Если стратег ответит утвердительно, то политик сможет высоко поднять национальное знамя и смело выйти на международное ристалище. Но если стратег ответит отрицательно, — то политику ничего не останется, как свернуть знамя, бить отбой, сбавить тон, пожертвовав подчас самолюбием во избежание худшего из несчастий. В этом случае долг стратега заранее предупредить политика, не дожидаясь его вопроса.

Когда зимой 1909 г. Австро-Венгрия решилась на аннексию Боснии и Герцеговины, Эренталь предварительно запросил Конрада. И — получив ответ, что русская армия дезорганизована Японской войной, а собственная достаточно сильна, чтобы в союзе с германскою справиться с нею, — дерзнул на этот решительный шаг. Извольский в свою очередь обратился к генералу Редигеру с вопросом, в состоянии ли мы на это реагировать, в состоянии ли Россия защитить свое достоинство великой державы? И получил честный, прямодушный, неприукрашенный ответ... Ценой жестокого унижения Россия была спасена от катастрофы.

Классический случай взаимодействия политики и стратегии — когда политик обратился к стратегу — имел место в 1870 г. Франко-прусский конфликт (по поводу кандидатуры Гогенцоллерна на испанский престол) развивался всю первую половину июля. Король Вильгельм лечился на водах в Эмсе. Он был настроен миролюбиво, решив почтить на

лаврах Датской и Австрийской кампании. Бисмарк, наоборот, видел в войне с Францией последний этап завершения единства Германии – грандиозной цели, к которой неуклонно стремилась его политика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.